

Письмо писателя Юрия Домбровского своему «коллеге» по сталинским лагерям театральному режиссеру Леониду Варнаховскому.

Сов. кинематограф. - 1990
8 сент. - с. 15

«После мрака надеюсь на свет»

7 мая 1956 г.

Дорогой друг!

Очень рад был получить Ваше письмо — я уж по правде и перестал его ожидать. Вы удивляетесь моей памяти? А в свое время я так же удивлялся Вашей. Помните Ваш фокус — пятьдесят слов по порядку и в разбивку и ключ к нему? (Кажется, — первый десяток — предметы города). Я месяца два тому назад вспомнил это и показывал своей племяннице.

Писать о себе — это тяжело, долго и страшно, об этом надо лично, да и это не все сумеешь рассказать, — но коротко попытаюсь. Я многострадальнее Вас. Вы попали, очевидно, на рудник, а я на «прокаженку» — 23-й километр. Очень много нужно, чтоб колымчанин окрестил лагпункт «прокаженной», — и это многое там было полностью. Вы умирали в проклятом сарае стоя, мы дохли в брезентовых палатках лежа. Только и разницы. Зимой я из палатки выходил только раз — посмотреть сполохи, предвещающие войну, а в августе, когда она наступила, нас сбрали и по инвентарному списку погрузили на тот же «Дзержинский» и повезли на Большую Землю. Там в бухте Находка то на земле, то на нарах, то на больничной койке я провалялся год. Умирал, умирал и не умер. (Помните, Вы как-то мне говорили, что если случится железнодорожная катастрофа, то погибнут все, кроме Вас, — Вы столько пережили, что бессмертны. Вот таким же Вечным Жидом чувствовал себя и я). Когда выяснилось, что я уж и не умру, меня вместе с другими кацелями погрузили в товарняк и повезли. Довезли до крошечного (4 л/л!) лагеречка «Средняя Белая» и сбросили. Представляете — сибирская степь, ни дерева, ни полена дров, помещение — землянка. Когда утром моют пол — паршивенькая желтая лампочка не видна от влажного тумана, барак плавает по озеру грязи, идешь — из досок бьют бурые фонтаны. Мы сожгли все полы, все крыши, сортиры, квч, еще черт знает что. Вшей сгребали горстями, ибо в бане давали только с поллитра теплой воды. (Помню раз: нам тупейшей бритвой бреют лобки, мы орем — все холодное помещение набито желтоватыми беззадыми телами, рядом на почетном месте сидит влюбленная парочка: нач. санчасти. в бобрах — прехорошенькая дурочка лет 22, и пьяная тупомордая скотина-опер в болотных сапогах. Они, далеки от всей земной скверны, объясняются в любви. Он говорит: «Люблю!» Она туманно тупит глазки и качает головкой: «Не верю, это у вас от тоски!» А кругом мат, рев, вой, они ничего не слышат). Тут в этой степи я опять стал сдыхать и так быстро, что меня зимой 43 года еле-еле успели выбросить (по активровке) за ворота. Доехал до Алма-Аты. Здесь

лежа в больнице, я написал большой роман «Обезьяна приходит за своим черепом» — собственно говоря, написал только первые две части и забросил. Надо было вертеться и зарабатывать дневное пропитание. Работал сценаристом на фабрике, преподавателем в киношколе, преподавателем в студии театра (в первой вел теорию драмы по Волькенштейну(!), во второй — курс по Шекспиру, это уж сам по себе), редактировал и переводил, переводил, переводил. Один товарищ взял у меня роман и повез в Москву к Чагину. Вдруг телеграмма: «Роман вызвал положительные отзывы, шлите остальные части». Стал приводить в порядок черновики. Вдруг статья о «Звезде» в «Правде», и меня начинают бить местные прянишниковы — мои братья-писатели. К тому времени я написал повесть о Шекспире — «Смуглая леди» — это о рождении «Гамлета» (о черной даме, о сонетах, об Эссексе и Елизавете), меня и за нее продернули! И вот в «Известиях» — громовой подвал некоего П. Кузнецова (делателя акынов) о безыдейном юродствующем богемце с богатым прошлым. О известном всему городу «природе Домбровском», который... ну и т. д. Ну, думаю, — смерть, но, оказывается, не тут-то было. Во-первых, Чагин (директор «Московского рабочего») поднял скандал. Призвали Кузнецова: «Читал роман?» — «Нет, не читал». «А писал?» — «Писал», — выгнали из «Известий». Потом телеграмма от М. Шагинян: «Прочитала «Смуглую леди», считаю, превосходной вещью, прекрасно вскрывшей сонеты Шекспира. Фадеев, Шагинян». Потом телеграмма от Лавренева: «После долгих боев удалось отстоять Вашу прекрасную вещь. Берем ее в «Звезду», — и т. д. Отзывы, триумф. Итак, чувствую себя «Калифом на час». Приезжаю в Москву и захожу к Вашей сестре. Вы знаете, что я увидел и как она жила. Обещал зайти на другой день, и тут опять «чижа захлопнула злодейка западня». На этот раз — Тайшет, спецлаг, номера, два письма в год и прочие маленькие радости. Что тут пережил и что делал — об этом, разумеется, только лично, ибо это поистине неопишимо. В 55 году освобождаюсь (десять лет заменили на шесть). Роман уничтожен во всех редакциях — и все-таки нашел один экземпляр (сохранили в КГБ) и ныне сдал в «Новый мир», где прозой заведует тот же Лавренев, а что из сего выйдет, не знаю. Может быть, и ничего. Сейчас:

1) Жду реабилитации — из моих четырех дел три похерены за «отсутствием состава», четвертое наполовину — вот добываю эту половину.

2) Пишу повесть о Шекспире «Вторая по качеству кровь» (это о его смерти и взаимоотношениях с женой, которой он из всего своего имущества завещал только эту «кровь»).

3) Ожидаю всего хорошего, ибо оно, конечно, так же неизбежно и исторически обусловленно, как и то плохое, что мы с Вами пережили. Худ. Страшен. Беззуб. Не женат (вернее, был много раз женат и поэтому холост), но все равно повторяю из Сервантеса — на титульном листе первого издания «Дон-Кихота» был нарисован сокол со скинутым колпачком и написано по-латыни: «После мрака надеюсь на свет». Ведь мы тоже не то Дон-Кихоты, не то Кюхельбекеры. Пишите, дорогой. Я Вас очень хорошо помню и часто вспоминаю. Очень, очень рад, что у Вас все так хорошо кончилось. Ничего! «За битого двух небитых дают». В искусстве-то это, во всяком случае, так. Жму руку. Пишите скорее.

Москва 7-34, Островский пер., 14, кв. 15.

Ваш Домбровский.